
*A.A. LJAPIN***A.A. MARUSHCHENKO'S EXCAVATION AT AK-TEPE**

The work submits the published results of excavation for the eneolithic and early bronze settlement Ak-Tepe. The present publication is caused by the fact that results of the excavation which had been carried out by A.A. Marushchenko have not yet been published.

*Годфри ГОМПЕРЦ (Рединг)***СЕМНАДЦАТЬ ВЕКОВ КОРЕЙСКОЙ КЕРАМИКИ***

Оригинальный вклад корейских мастеров в различные области искусства заслуживает гораздо более широкого признания, чем то, которое он до сих пор получил: в архитектуре, скульптуре, живописи, также как и среди декоративных изделий из бронзы, золота и лака сохранились произведения выдающейся красоты и значения. Однако только в искусстве керамики достижения Кореи получили мировое признание.

Это предпочтение, отданное корейской керамике и фарфору, за счет других и, быть может, более значительных произведений искусства, требует некоторого пояснения. Возможно, самым важным фактором явились необыкновенное бескорыстие и «безразличие», свойственные корейскому характеру, которые оставили без внимания эти изделия неизвестных ремесленников и которые вызвали безграничные восхваления японских и западных знатоков. Может показаться, что корейский гончар получал какое-то особое вдохновение от работы с землёй и огнём, воздухом и водой, которые вызвали к жизни его собственное природное мастерство. Другим важным, хотя и случайным, обстоятельством было то, что сохранилось столь большое количество керамических изделий, часто в их первозданном виде, благодаря захоронениям в могилах V–XV вв.; на протяжении этого периода много других произведений искусства погибло во время пожаров, наводнений и разрушительных войн. Отсюда следует, что произведения корейских гончаров сохранились в относительно большом количестве, тогда как прочность и небольшие размеры облегчили их распространение во всём мире. Многие из самых прекрасных экземпляров всё ещё можно увидеть только в Корее или Японии. Однако за последние пятьдесят лет было сделано много значительных приобретений и на Западе, особенно для американских коллекций...

Все выставленные образцы относятся к типам гончарных изделий из кремнистой глины (каменная масса) и фарфору, которые обжигались при более высокой температуре, чем керамические изделия, получая в результате стекловидность и –

* Как дань уважения к памяти известного ученого, долгие годы поддерживавшего отношения с российскими корееведами, редколлегия ПИФК публикует русскую версию статьи Годфри Гомперца (1904–1992), одного из пионеров изучения и коллекционирования корейской керамики и фарфора в Европе (свою коллекцию он передал в Фицвильям-музей Кембриджского университета). Статья издана в журнале *Apollo* (1968) в связи с демонстрацией выставки «Искусство корейского гончара» в музеях Нью-Йорка, Торонто и Чикаго. Это вторая публикация Г.Гомперца в России, первая («Селадон Корё») вышла в сборнике «Корейское классическое искусство» /Состав. Л.И.Киреева, отв. ред. Л.Р.Концевич. М.: Наука, 1972. Перевод Т.И.Киреевой (1932–2004). Печатается с незначительными сокращениями.

как следствие этого – непроницаемость. Они использовались, главным образом, как сосуды для пищи и питья – либо для каждодневного употребления, либо для погребальных обрядов. Однако с введением более совершенной техники примерно в XI веке стало осуществляться производство настоящего фарфора, который характеризовался, согласно дальневосточному определению, твёрдостью и резонансом. Результатом этого явилось керамическое производство, использовавшееся также для церемониальных и декоративных целей, особенно во второй половине периода Корё, с XII по XIV вв. При последующей династии Ли был совершён заметный поворот к более строгим утилитарным образцам.

Ранние корейские керамические изделия, вплоть до VIII или IX вв., характеризуются твёрдой серо-голубоватой массой с резным или штампованным орнаментом. Тысячи «смонтированных чаш с крышками» и других сосудов для пищи, главным образом, на высоких дырчатых ножках, были извлечены из захоронений того периода. Их примитивный характер и простота назначения увеличивают эстетическую привлекательность, соответствующую современному вкусу; но это относится и к некоторому количеству экземпляров с экстравагантными, даже барочными тенденциями, как например, искусно выполненные чаши в форме рога и колесницы (рис. 1, 2). К IX в. вошли в моду большие кувшины для захоронений и урны для кремации, они были обычно покрыты замысловатыми штампованными узорами, а иногда – примитивной коричневой или зелёной глазурью.

Большая утончённость, полученная от развитого искусства сунского Китая, привела к созданию селадоновых изделий в самом начале XII в., которые соперничали со своими китайскими прототипами. Об аристократическом вкусе двора и знати свидетельствуют некоторые образцы самой утончённой из когда-либо существовавшей, но лишённой аффектации керамики, красота которой усиливалась нежно-голубоватой или серовато-зелёной глазурью, похожей на оперение зимородка и высоко ценившуюся в то время тёмно-зелёную яшму.

Однако мы снова видим среди всех этих сдержанных по стилю и выполненных в хорошем вкусе изделий серию причудливых и барочных (рис. 3). Китайского ученого Сюй Цзина, который посетил Корею в 1123 г., заинтересовали кубки для вина и курильницы с крышками в форме уток и львов – оригинальные замыслы, далёкие от тогдашних вкусов китайского двора, – но Сюй Цзин удовлетворился замечанием, что все остальные экземпляры, которые он видел, похожи на различные китайские изделия и «скопированы с их форм». Это было, безусловно, верно, так как в то время, когда Сюй Цзин писал это, Китай был наставником Кореи, а Корея только начинала выходить из-под его опеки в изготовлении керамики; однако она уже достигла результатов, которые поставили её изделия в один ряд с изделиями китайских императорских печей Жучжоу, и можно только делать предположения о замешательстве Сюй Цзина, если бы перед ним оказались некоторые сохранившиеся шедевры корейских гончаров с традиционными средствами выражения (рис. 4, 5, 6). Ибо фактически, несмотря на то, что всё было в соответствии с китайским вкусом, они достигли новой более высокой ступени благодаря своей непосредственности, они – как растущие цветы, которые изображали гончары, а не «застывшая музыка» китайской технической безупречности. В этом – высший триумф корейского гончара: он работал, как часть природы, а не как её интерпретатор.

Корейские гончары не только проявили совершенное мастерство в керамической лепке и моделировании, но и явились авторами двух замечательных технических нововведений, которые свидетельствуют об их способности к изобретательству. Наиболее известным из этих изобретений является развитие техники инкрустации фарфора, почти неизвестной в Китае или где-либо ещё. Различные цветные глины вдавливались или наносились кистью в выгравированный узор на массу изделия, имевшую плотность кожи, чтобы создать мягкий, но приятно контрастирующий декор. О том, насколько замечательно это могло быть, особенно говорят неко-

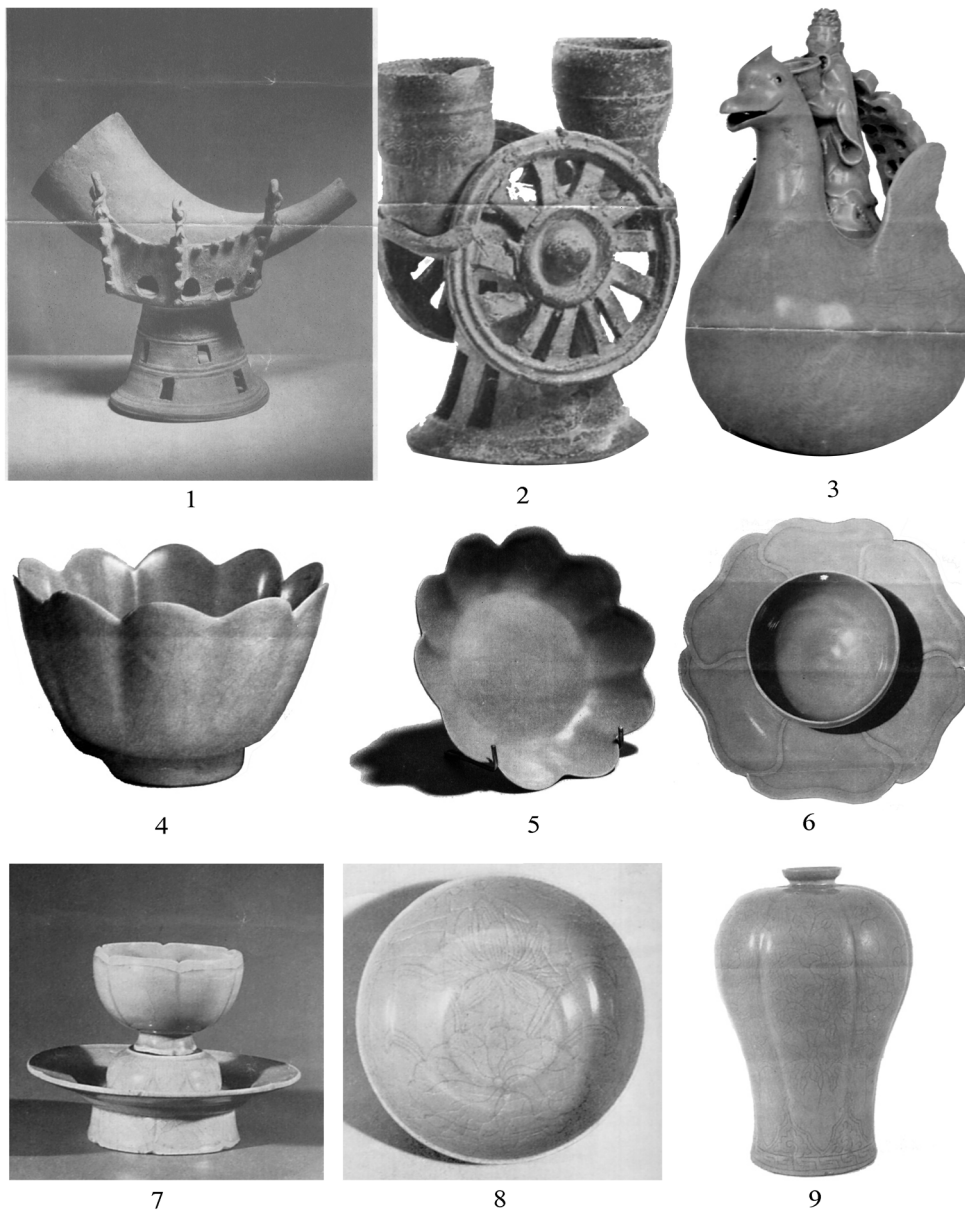

Рис. 1. Чаша в форме рога на подставке. Силла, V–VI вв. Керамическое изделие. Дл. 30,5 см. Частная коллекция, Нью-Йорк. Рис. 2. Чаша в форме колесницы. Силла, V–VI вв. Керамика. В. 15,9 см. Частная коллекция, Гонолулу. Рис. 3. Кувшин Корё, XII в. Селадон. В. 21,6 см. Художественный институт, Чикаго. Рис. 4. Чашка. Корё, начало XII в. Селадон. Дм. 13,7 см. Частная коллекция, Нью-Йорк. Рис. 5. Блюдце. Дм. 15,9 см, парное чашке рис. 4. Рис. 6. Подставка для чашки. Корё, начало XII в. Селадон. Дм. 18,4 см. Академия искусств, Гонолулу. Рис. 7. Чаша с подставкой. Корё, XII в. Селадон. В. 10,5 см. Частная коллекция, Гонолулу. Рис. 8. Чашка. Корё, XII в. Селадон. В. 10,2 см. Академия искусств, Гонолулу. Рис. 9. Ваза (*мэбён*). Корё, XII в. Селадон. В. 21,6 см. Музей искусств. Фогга, Кэмбридж, Массачусетс.

торые изящные кувшины и благородные вазы для ветки сливы (рис. 15, 11) декорированные узорами в виде веток или свободно нарисованными узорами из уток и журавлей среди цветущих деревьев или ив. Так было достигнуто что-то новое в искусстве декора, выражающее с теплотой и наивностью то, что было названо «скрытым корейским характером». Инкрустированный декор всегда белый или чёрный, но корейские гончары, кажется, опередили китайских в экспериментировании с меднокрасной, также употреблявшейся для подглазурной росписи. Несмотря на то, что всё ещё недостаточно неопровержимых свидетельств, находки в местах расположения печей, так же как и немногие сохранившиеся селадоны с красными крапинками дополнительного украшения – на цветах или головах журавлей – ясно наводят на мысль, что этот метод был изобретён в Корее во второй половине XII в.

Существует огромный контраст между утончённым и изысканным селадонем, сделанным для двора Корё, и простой, часто совсем грубой или необработанной керамикой, которая вошла во всеобщее употребление в период Ли, начиная с 1392 г.; однако именно в это время искусство корейского гончара освободилось от всего, что его сдерживало, и достигло своего полного выражения. Очевидно, при правителях Корё контроль двора всегда в каком-то смысле подавлял корейского гончара, как бы сильно это ни характеризовало дух времени. Но в период Ли гончар работал, как правило, пользуясь полной свободой выражения своих собственных представлений о красоте. Может быть, даже его низкое положение в обществе вместе с нуждой и бедностью, которые были его уделом, внесло свой вклад в неистовство созидания, которое мы наблюдаем временами в его работе. Сосуды, которые он делал, были предназначены, главным образом, для практического использования; сырьё было необработанным, и обжиг часто грубым или явно бессистемным; но формы обладают силой, а декор – буйной, свободной красотой, равную которой редко где можно найти. Роспись в коричнево-стальных или меднокрасных тонах была приведена в необыкновенное созвучие с формами изделий; в то время как процессы, такие как нанесение кистью на поверхность белых штрихов – как того требовала практическая возможность использования материалов – были превращены в искусство, так что они вызывали восхищение и копировались в Японии. Даже обычные, массового производства чашки для риса, сделанные на юге Кореи, обладают неповторимыми качествами, по мнению таких искушенных знатоков, какими были в XVI в. японские мастера чайных церемоний, и считались образцом совершенства в искусстве керамики.

С появлением в XV в. подглазурной росписи кобальтом, корейский гончар достиг совершенно иного, чем у китайцев, эффекта. Его узоры состояли, главным образом, из птиц и цветов, «осенних растений и трав», столь популярных в Японии, на больших белых фарфоровых кувшинах периода Ли (рис. 20). Сочетание простоты и нежноголубого тона декора выражают мечтательную, поэтичную чувствительность, далёкую от сложных и законченных китайских кобальтовых росписей. Здесь мы снова видим, как ошибочно «судить об изделиях Кореи по критериям, установленным исключительно на китайских образцах»,... тем не менее это делается неоднократно западными критиками, для которых китайский стиль стал непогрешимым критерием. «Корейские гончарные изделия всегда привлекают нас, – писал один проницательный японец, – и помещение, где они находятся, несёт умиротворение».

Изделия корейских гончаров редко воздействуют на чувства яркой раскраской или технической искусностью в отличие от китайских, и кажется, что они предпочитают держаться в стороне и в тени с бесстрастным достоинством, уверенные, что в конечном итоге их особая притягательность заставит себя почувствовать. Утончённость формы, линии и тона западает в нашу память постепенно, производя эффект тем более сильный, когда он окончательно выкристаллизовывается.

Главной особенностью, которую мы видим в работе корейского гончара, является, таким образом, большое чувство формы и равновесия вместе с замечательной

Рис. 10. Кувшин. Корё, начало XII в. Селадон. В. 24,4 см. Мемориальный музей Юнга, Сан-Франциско. Рис. 11. Кувшин. Корё, XII в. Инкрустированный селадон. В. 27,3 см. Метрополитен-музей, Нью-Йорк. Рис. 12. Ваза. Корё, XIII в. Инкрустированный селадон. В. 26 см. Художественный институт, Чикаго. Рис. 13. Сосуд. Начало Ли, XV в. Керамика *пунчхон*. В. 20,3 см. Художественный музей Фогга. Рис. 14. Чашка. Начало Ли, XV в. Керамика *пунчхон*. Дм. 18,1 см. Кливлендский художественный музей, Огайо. Рис. 15. Ваза (*мэбён*). Корё, XIII в. Инкрустированный селадон. В. 41,3 см. Ньюаркский музей, штат Нью-Джерси. Часть декора – роспись. Рис. 16. Чашка. Начало Ли, XV в. Керамика *пунчхон*. Дм. 17,1 см. Частная коллекция, Гонолулу. Рис. 17. Бутыль. Ли, XV–XVI вв. Керамика *пунчхон*. В. 30,5 см. Мемориальный музей Юнга, Сан-Франциско. Рис. 18. Сосуд. Ли, XVII в. Фарфор. В. 25,4 см. Частное собрание, Нью-Йорк. Рис. 19. Кувшин. Корё, XIII в. Селадон. В. 25,4 см. Художественный институт, Чикаго. Рис. 20. Сосуд. Ли, XVII в. Фарфор. В. 24,4 см. Лос-Анжелес, Окружной художественный музей.

свободой, недосредственностью и фантазией, Кажется, что гончар всецело посвятил себя изготовлению изделий, естественно и просто, как «естественно и просто облака плывут в небе или вода бежит в потоках», как писал другой японский автор. Прекрасные работы корейского гончара демонстрируют лёгкое изящество и простоту с декоративными росписями, выполненными сдержанно и со вкусом. Нежные, льющиеся линии в изящных контурах сосудов и в декоративных росписях по праву считаются их выдающейся особенностью.

Техническое умение не могло быть так постоянно высоко, как у китайцев, – ибо корейский ремесленник придавал большее значение своему творческому самовыражению в целом, чем дотошному выполнению деталей. Но никто никогда не превзошёл корейские изделия для двора, в которых мастерство исполнения сочеталось с красотой и благородством замысла, в то время как грубоватое мастерство и творческая энергия сельских гончаров в период Ли дали образцы самых великолепных в своей суровой красоте изделий из керамики, которые когда-либо были созданы.

G. GOMPERTZ

SEVENTEEN CENTURIES OF KOREAN POTTERY

This is the Russian translation of G. Gompertz' (1904-1992), article who was one of the founders of studying for the Korean ceramics in Europe. The article was published in «Appolo» magazine (1968) in connection with the demonstration of the exhibition «The Art of the Korean potter» staged in museums of New York, Toronto, Chicago.
